

Джурлиа Том

Город Граффити

Джулия Тот
Город граффити

«Издательские решения»

Тот Д.

Город граффити / Д. Тот — «Издательские решения»,

События, о которых рассказывает роман «Город Граффити» — реальные, не только потому, что они действительно произошли, — происходят и сейчас..

Содержание

Граффити	6
Утро	7
Тогда...	9
Лабиринт	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Город граффити

Джулия Тот

«Почему-то никого, кроме меня, не волнует обратная сторона вещей. Вот, к примеру, – тень. Хотелось бы понять, в каких отношениях она с тем, кто ее отбрасывает, и вообще – что она такое...»

Сальвадор Дали

© Джулия Тот, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

События, о которых рассказывает книга – реальны. Любые совпадения имен, фамилий, стран и городов – случайны.

Граффити

«Жизнь наша – как граффити, – одни старательно прорисовывают каждый штрих, боясь испортить картину, которую слишком тяжело исправить на бетонном основании.. другие же – намалевав сегодня в спешке, замазывают содеянное полностью и, пытаясь создать новое и совершенное «с нуля», забывают, что основа все та же – прошлое, что уничтоженную картинку – нет-нет, да и вспомнит прохожий, и невольно, а часто – и вслух – сравнит с содеянным на ее месте.. Все тот же прохожий – от нечего делать, с умыслом или любовью, а, может быть, и просто – из желания попробовать новую краску, – наносит часто штрих – мазок – кляксу на нашу картинку жизни. Расплескивая одним движением собственный цвет на создаваемое нами годами, он может сделать его завораживающим необычностью, изуродовать или уничтожить совсем: наносящий кляксы посторонний – незаметен, невидим, и судят в итоге – авторов картины – нас...», – думала Лейла, разглядывая женщин, сидящих за одним с ней столом. Они встретились впервые – рожденные под небом Союза Советского, рухнувшего давно, но, все еще – способного тенью своей, что накрывала территории невероятно большие, – объединять людей по всему миру языком русским да воспоминаниями о жизни той, да тогда, а ныне – живущие в стране Греции. Рождество прошло и решили, наконец, после болтовни да знакомств – вполне современностью одобряемых – в сетях социальных, встретиться в жизни реальной. Женщины большинством своим – в возрасте «немного за» и «под самые» сорок, создавали многоголосую радость встречи, пугающую громкостью своей русскоязычной сидящих вокруг греков, зашедших, по традиции ежедневной, – испить спокойно-послеобеденного кофе. Знакомясь еще раз – но, уже – пожатиями рук и объятиями, все переливчато по-птичьи верещали об одном и том же: зима явилась после Рождества в Грецию – зимой, – со снегом, что в Афинах гостил редко, а потому – сразу же вытащившим на улицы тысячи детей и проблемы водителей, не умевших управлять средствами своими транспортными в белом чуде, увязавшими в нем, съезжавшими в кюветы и на обочины. Закончив рассказы о том, кто и как преодолевал снежные радости по дороге на встречу, женщины – уже вполне по-женски – принялись рассматривать друг друга, задавая один и тот же вопрос: кто – откуда и как попали в страну. На вопрос «откуда» все отвечали быстро, вторая же часть давалась многим с трудом, и – более охотно – переводилась сразу на тему иную. Лейла разглядывала новых знакомых и думала, что двое из них, пожалуй, – подобны ей – тихие, благодарившие за каждый жест – подачи стакана, куска хлеба и прочего – на что остальные реагировали, как должное в компании, не требующее благодарности. Одна из двоих, напоминающих Лейле ее саму была блондинкой с короткой стижкой, милым лицом, скромно одетая, но – явно – воспитанная хорошо, что выглядело немного чужеродно за столом сегодняшним. Другая, выделявшаяся в русском многоголосии безмолвностью, – красивая молодая женщина, – смотрела на Лейлу, словно, пытаясь что-то вспомнить, но, под дождем вопросов, или же – отчаявшись выудить то самое нечто из памяти своей, – так же неожиданно отвернулась, и уже – пыталась влиться в поток рассказов о жизнях своих греческих, – других. Женщины, перебивая друг друга в своих рассказах, словно сегодня – было единственной возможностью ими поделиться, – забывали одну начатую, подбирали на полпути историю чужую и продолжали ее своей, а Лейле думалось, как знакомо ей каждое начатое и каждое незаконченное предложение, что знает она истории уже каждой из них, но – и странно было это и ей самой, – уютно было ей сидеть где-то в заснеженных Афинах, с теми, кто – подумай она рассказать историю свою, – если не понял бы, хотя бы – выслушал, и было просто тепло – от неподдельной радости, за этим женским столом... где – то, – в заснеженных Афинах.

Утро

Первый глоток утреннего кофе обжог темнотой за окном. «Если за окном темно, когда вы пытаетесь получить удовольствие в пять тридцать утра от черно-горячего кофе, значит – еще зима», – подумалось ей.. Прикурив сигарету, что делала она до полудня крайне редко, женщина в противно – розовом, но, – приятно-теплом махрово-длиннющем халате, спутанными волосами, утрэнне – опухшим лицом, сделал еще один горячий глоток утренней бодрости, обведя огромную кухню тоскливым взглядом, скосила глаза на стоящее рядом с чашкой зеркало и разложенную косметику... Ритуал превращения смахивающего – в первые полчаса после пробуждения – на бульдожку французскую, – в признанную красавицу, душу общества и женщину деловую – не менялся годами. После ледяного душа – несколько глотков кофе, включенные новости – дабы знать их прежде, чем двинуться работать, – и одновременно – рисование красоты небывалой на лице, которое все чаще таковую принимало с трудом... Сегодня и – вот уже неделю – выполняла она все данные действия с ненавистью необходимости, зная, что все, что делает, уже не спасет ни ее, ни все то, чего удалось ей добиться до своих тридцати пяти, и все стало лишь видимостью, ложью... Женщина посмотрела на часы и – через дверь кухни – в темноту огромного дома. Столовая сверкнула из темноты столом длинной в пятнадцать лет жизни и она почти услышала десятки голосов всех тех, кто все эти годы, собираясь за ним, смеялись, праздновали, – вместе с ней, льстили, благодарили, клялись в дружбе. Уже месяц, как все обладатели голосов пропали из ее жизни, почуяв беду, – скрылись, боясь необходимости предлагать помощь. Затувив стлевшую в руках сигарету, она взяла из горы косметики тюбик основы под макияж, которую ее отец, когда-то, – с пренебрежением ко всем использововавшим его дамам, называл «дермаколом». Тюбик, смачно плюнув, бросил на ее ладонь порцию материала цвета свежего лица, которую она тут же начала использовать по прямому назначению: замазывая правду жизни, нарисованную той и присутствующими в ней, – на лице, создавая основу картины новой, на которой можно изобразить все, что угодно – удивление, радость, счастье..все то, что нужно людям напротив целыми днями и что в ее жизни стало не просто отсутствовать, – все, с оттенком улыбки и успешной удачи, казалось уже нереальностью, сказкой..

Женщина посмотрела в зеркало, и решив, что замазка неудач наложена безукоризненно и не выдает последствия открытости и доверчивости ее, вытянула коробку с пудрой из возвышающейся перед ней горы чудес косметических производств, вынудив все остальные цвета, заключенные в пластмассовые упаковки, с грохотом разлететься по столу. Но она не слышала звуков обычных предметов, не придавала больше значения ничему – разочарование во всем сменила пустота, а за ней, впервые в жизни, почувствовала она голод мести, физическую необходимость заставить того, кто довел ее жизнь до нуля, лишил всего – почувствовать все, что вынуждал выносить ее. Чуждые ей всю жизнь планы причинения боли другому, – ненавистному, съедали все ее время, не давали уже ни секунды на поиски выхода – он был ей не нужен, он означал – остаться с ним. Исправить все она еще могла, но, спасая состояние, подписала бы приговор себе.

Пудра легла на нервами сухую кожу кусками желающей отвалиться штукатурки, но мысли художницы металась между возможностью покупки серной кислоты и таблеток, вызывающих сердечный приступ, оставив недостатки макияжа на исправление перед выходом из дома. Выбирая между черным и синим карандашами для глаз, она – то представляла его – кусок мяса весом в сто сорок килограмм – со съеденной кислотой, оплывшей кожей, слепого и беспомощного, в инвалидной коляске, то – его жирное, но уже – не угрожающее ей ничем, мертвое тело и памятник с датой его смерти.

Женщина очнулась от реальности картин: пугающей, заставившей дрожать руку с карандашом и не дающей возможности нарисовать те самые миндалевидные, удивленно-распахнутые, которые не оставляли равнодушными даже женщин, глаза, бросившие ее в ловушку страшного «сегодня». Она смотрела в зеркало и видела, не ощущая этого, что полунарисованные – полукрасные настоящим глаза ее наполняются слезами – тоски, – по тому времени, когда создавала она произведение утреннее «лицо мое» радостным предвкушением успешного во всем дня... тогда... восемь лет назад...

Тогда...

Будильник орал, что уже пять утра. Лейла улыбнулась, все еще не открывая глаз, и вдохнула утро, медленно вползавшее в открытое окно запахами травы и влаги, послушала визгливые планы только просыпающихся, а потому – путающихся в них – птиц. Открыв глаза и оглядев комнату, наполняющуюся полукрасным оттенком солнца и привкусом нового дня, молодая женщина радостно вскочила, предчувствуя новое счастье, которое жизнь не стеснялась дарить ей ежедневно.

Двадцатисемилетней Лейле собственная жизнь все больше казалась нереальной, – у нее было постоянное ощущение не жизни, а сказочного покачивания на пушистых облаках. Выросшей при СССР и начавшей работать в семнадцать, Лейле, с детства была привита – всем миром вокруг – мысль о тяжести ее будущего, а, со сломом режима советского – и вовсе – о его отсутствии – какого бы то ни было, приличного доходами, да уровнем жизни. Привитая мысль – как прививка любая – работает в каждом организме – по-своему, в ее – она жила, вырабатывая антитела, жажду и действия доказать обратное: она, Лейла, будет жить счастливо – легко, ибо все ей с детства, со школы, всегда – давалось просто, порой, казалось ей, – чудом. Она всегда получала желаемое – отметки в школе и на вступительных в университет, не зная толком, что несет, но – скороговоркой, заставляя поверить мэтров напротив в знание ей предмета, извиняясь за ошибки, представляя их оговорками в нервах, в юные семнадцать – задумав стать богатой и, посмотрев по сторонам – выбывая из знакомых родителей деньги на открытие первой-второй палаток, на защите диплома, всегда... Лейле удавалось все, и, потому, к двадцати одному, когда поняла, что беременна – счастье ее лишь удвоилось – у нее не было мужа, которому нужно было готовить, от которого – выслушивать, которого – обстирывать и которого – ревновать, у нее был престижный диплом в кармане, неуважаемый, но высокодоходный бизнес, а теперь – будет и ее ребенок – свободный и счастливый – как и она.

Лейла вошла в комнату с тренажерами. Набивая ее железными монстрами два года назад, делала она это с намерением серьезно применять их по назначению, но, каждым утром зимы, лета, осени-весны, дождливым ли, снежным ли, – она лишь подходила к огромному треугольному окну по форме крыши, и, открыв его, вдыхала новый день, улыбаясь восходящему солнцу или темноте, всегда чувствуя запах счастья, успеха и, насладившись будущим, так же покидала призванную сохранять тело в тонусе комнату – так и не притронувшись к образам спорта, расставленным по ней. Лейла никогда не меняла свое утро – оно доставляло ей удовольствие своим особым, придуманным ей распорядком, и нарушения были подобны для нее плохим приметам в жизни людей, в них верящих.

После зрительного приобщения к спорту, Лейла всегда бежала в комнату сына, будила его и тут же, подхватив тонны косметики – дабы выбрать образ сегодняшней цветами и глубиной отличный от Лейлы вчерашней, – бежала на огромную кухню – готовить завтрак малышу, варить кофе себе, слушать новости, рисовать на лице отражение зависти к собственной жизни. После всегдашних приготовлений-сборов, которые и сын ее знал наизусть, она везла его в детский сад, после чего, оставалась одна в столь обожаемой ей машине и, давя на газ на пустой дороге, обдумывала уже дела рабочие, сегодняшние. Часто в утренней дороге мысли ее отвлекали виды, которыми она никак не могла насытиться, хотя видела их каждый день вот уже три года..

Лабиринт

Устав однажды бояться входить в московский подъезд, где лифт – по причине новизны дома не работал никогда, втаскивать коляску с малышом, сумки с продуктами и прочими необходимостями на одиннадцатый этаж, держа наготове газовый балончик и заглядывать за углы, прежде чем повернуть к собственной квартире, лицезреть крыс, шарящих по помойке вблизи от детской площадки с грязным песком, тысячами подданных Китая, оккупировавших дома и общежития района, прибывших в целях открытия бизнеса под названиями «китайский рынок, магазин», Лейла начала поиски покупателей на все, имеющееся у нее и продаваемое, и – одновременно – изучая новые пристанища для нее и малыша.

Страны более развитые, чем она сама, привлекали ее мало излишней для ее финансов дороговизной жизни, слишком проверяемыми схемами ведения любого бизнеса, и больше всего – непозволением покупки гражданами с паспортом красного цвета и названием «паспорт Российской Федерации» земли, дабы иметь возможность построить на ней свой тихий дом, вырастить в нем ребенка, жить и работать спокойно. Потребляя информацию о странах бывших поднадзорных союзом советским, пытаясь понять приемлемость бытия тамошнего для нее и для будущего ее сына, она остановила выбор на стране с языком, по трудности не уступающим китайскому, с более чем 40 буквами алфавита, но – вполне неразвитую пока, а значит – открывающую возможности для Лейлы на поприще деловом, и – продающую руками меров деревенок земли, примыкающие непосредственно к границе страны сей с Австрией.

Улыбнувшись пролетавшим за окном машины деревьям, деревенькам, с полусонными людьми на остановках автобусов, Лейла в очередной раз подумала, как хорошо жить спокойно: мчаться по пустой дороге, не слышать воплей прочих водителей, быть спокойной за все, жить каждый день, каким он представился утром. И не важны были уже произносимые удивленно и напыщенно-надменно, – одновременно, – при каждом посещении, – присыщенными неожиданно богатствами полными кошельками, – друзьями московскими:

– Как ты живешь в этой деревне?! Зачем покупать такие машины и было строить такой дом в подобной глухомани...

Она рассмеялась: забыли друзья ее, сменившие уровни жизни, как три года назад, будучи еще людьми попроще и без счетов в зарубежных банках, приехав впервые в ее, только законченный, дом, восхищались пением птиц, спокойствием вокруг, но больше всего – привычкой не закрывать двери и все оставлять на террасах, в саду, и с нескрываемой завистью тянули:

– Хорошо тебе, выбралась, в раю живешь, – и выскакивали уже поутру в сад, жадно вдыхая европейское утро..

Лейле завистливое нытье друзей, сменившееся пренебрежением, не доставляло чувств никаких: она была влюблена в свою новую жизнь, она уже говорила на языке финно-угорской группы, сын говорил на нем еще и без акцента, у нее были свои фирмы, свои доходы, своя счастливая, ни от кого не зависимая жизнь. Только одно заставляло ее слышать скрежетание собственной души: и сейчас, в одиночестве машины, она опять тоскливо подумала о том, что сегодня – пятница, а значит, супермаркеты будут полны толстыми молодыми тетками с их стройными мужьями непонятного, но качественного – производства клеим прилепленные к их округлостям телесным, шагающие нестройностями своими впереди прикленных особей пола мужеского, несущих – катящих детей, которых в стране не принято иметь менее троих. Подобные картины начали мучать Лейлу на второй год пребывания в стране: ее раздражала эта неправдоподобная идиллия не следящих за собой мамзелей эпохи Возрождения и вполне по-человечески выглядящих мужчин, раздражало внеш-

нее довольство последних, и видом, и – тоном – генеральш собственных, бесперебойно громкоголосящих куда, зачем и с какой скоростью существу под кличкой «муж» в данную секунду положено бежать, прихватив с собой сотворенные им же человеческие существа детского пола.

Это странное для Лейлы чувство, называемое остальными жителями планеты одиночеством, впервые укололо ее после двух – пролетевших в секунду – лет жизни в новой стране. И с того дня, она созерцала это незнакомое ей недомогание в душе своей ежедневно, – не только по пятницам и в супермаркетах, но и приезжая за сыном в детский сад. Это было время дня, когда все успехи работы в минуту уничтожались видами счастливых пап, забирающих свои творения из детского заведения. Поначалу только тянувший слегка нервы факт, что за детьми приезжают, в основном, именно родители пола мужского, со временем заставил ее забегать в здание, и так же скороспешно – уже с сыном – удаляться: папы не хотели просто забирать детей, они вступали в длительные рассказы-беседы с воспитателями, на темы, чем занимаются и как играют их детки, после доставки домой, какие у них проблемы. Лейла, не видевшая подобной опеки отцов нигде и никогда и, тем более, не позволяющая себе и фантазии предположить, что мужчина может часами рассказывать и выслушивать истории воспитания детей, – в итоге, стала не способна воспринимать все эти истории, идиллические улыбки, и уже год как – задумывалась, все чаще, глядя на пустую подушку рядом по вечерам, что, возможно, она одинока.

О личной жизни Лейлы родители всегда говорили, что она не сложилась. Сама же героиня сплетен о ней так не думала никогда. Она не понимала и в возрасте, когда влюбляются обычно все во всех – подростковом, – что есть любовь, и зачем страдать, если кто-то нравится. Большого, чем «нравится» Лейла не чувствовала никогда, и считала, что все остальное о любви – от необходимости души некоторых людей страдать время от времени. Все ее отношения с особями мужского пола – молодыми людьми и позже – мужчинами, – не затягивались больше, чем на два-четыре месяца. При этом, к концу второго календарного отрезка ее раздражало в любом из избранников все: как ходит, как говорит, как ест, как спит. Она начинала думать, как избавиться от ставшего обременительным друга, придумывала всегда план с целью единственной – чтобы медленно становящийся ненавистным бывший атрибут приятной жизни решил уйти из ее жизни сам. Почти всегда осуществление плана было легким: мужчины не любят когда ими пренебрегают. Лейла не понимала и безумной страсти в любви своих знакомых, которая через годик, а то и раньше, после женитьбы становилась невыносимой рутинной – в лучшем случае, в худшем – в затяжные семейные именно узы: тянущие каждый день, вызывающие нытье и жалобы обеих сторон друзьям, нелюбовь к жизням собственным. Лейла любила жизнь каждую минуту и подобного с ней обращения большей части народонаселения планеты молча, не желая обидеть мучающихся, – не премлела. Родители же, так и не отказавшиеся от картинке состоявшейся личной жизни дочери в представлении их и прочих шестидесяти процентов населения планеты Земля, либо продолжали говорить друзьям – знакомым, что ее личное – не состоялось, либо – пытались советовать найти «мужика, соответствующего ее уровню». Рассмотрение всех людей «по уровням» выводило Лейлу из нормального состояния в течение последующих за фразой трех секунд и она просто забывала очередную ересь родителей. А все их советы – разговоры о ее жизни она считала именно таковой.

Глядя на лживо-счастливые семейки и пустую подушку рядом, Лейла начала представлять присутствие в своей жизни кого-то, кто будет называться «мужем». От мыслей, что ей придется отвечать на вопросы, и задавать их самой – о том, как проведен день, да что нового на работе, встречаться с чужими родственниками и друзьями, – каждый день, Лейле не хотелось продолжать фантазии на тему счастливой семьи. Когда же она представляла на месте того самого, кто по модели, должен быть «единственным» одного из неженатых новых своих

знакомых – юриста, экономиста, скучного судью, владельца фирмы недвижимости, смеющегося шуткам через три минуты после того, как они отзвучали – Лейле становилось совсем тоскливо; ни один из нынешних ее знакомых не был ей интересен, но и ситуация одинокого ее существования становилась бросающейся в глаза партнерам, новым знакомым и мучала ее пресловутостью: «всем кто-то нужен».

Подъезжая к офису с окончательно испорченным воспоминанием о пятнице днем, супермаркете, который будет полон семейного счастья, что сегодня все в офисе будут говорить о том, где, с какой компанией друзей семейных будут проводить предстоящие выходные дни, Лейла подумала, что что-то нужно предпринять, пойти на уступки жизни и обществу, но – как, она обдумает в выходные... без чужих друзей, родственников, вопросов и необходимости на них отвечать...

День прошел как всегда, за одним исключением – в конце его, во время пятничных сборов-прощаний переводчица Лейлы, женщина тридцати пяти лет и опыта на пятьдесят, умудрившаяся развестись дважды с одним и тем же мужем, и вынуждать его – после второго уже расставания – оплачивать всю ее жизнь и двоих совместных шедевров – дочерей, приезжая на выходные, мужественными руками обстирывать женскую бригаду, готовить на неделю обеды и забивать холодильник, – подойдя к начальнице, неожиданно предложила вечером съездить на вечеринку по поводу дня рождения одной из ее подруг. Долго поднывая, что негоже Лейле молодой-красивой-богатой сидеть одной годами, да и неприлично уже это выглядит, уговаривала составить ей компанию, расписывая интересность народа, ожидаемого к вечернему сбору. Лейла поняла, что женщина, характер которой уже был давно ей понятен – просто хочет показать знакомым, что у начальства в друзьях личных ходит, устроить пытается личную жизнь несчастной богачки, но решила согласиться.

Уже одевшись, Лейла тихо вошла в комнату сына, который удобно расположившись в кровати, склонив голову на плечо пожилой няни, которую Лейла нашла еще до переезда, – все родственники женщины сверкали благополучием в Канаде, – одинокой, и потому – несказанно обрадовавшейся возможности растить русского мальчика и жить в красивом новом доме богатой семьи. Лейла улыбнулась, вспомнив как покачивала неодобрительно головой вырастившая четверых детей женщина при первом знакомстве, узнав, что отца у ребенка Лейлы нет, и как ей пришлось просить пожилую няню перестать называть ребенка на ломаном русском «бедненьким», объясняя, что отсутствие отца – не есть «бедность». Няня не поверила Лейле, но перестала называть ребенка подобным всесожалением. Поцеловав сына и пожелав спокойной ночи обоим, Лейла, без настроения, с которым положено отправляться на вечеринки, прошла в гараж, расположившись в машине раскрыла бумажку с нацарапанным переводчицей адресом и завела мотор...

Вечеринки и празднования в стране Венгрии для Лейлы были странны с первых дней своей натянутостью, чопорной притворностью, и, как следствие скучности данной, – не являющиеся праздниками как таковыми. У нее всегда возникало ощущение, что собравшимся говорить друг с другом не о чем, в промежутках между молчаниями темы было обычно всего две: дети и все, что прогрессивно-хорошего есть у человечества на момент сегодняшней придумали, изобрели и дали этому самому непрогрессирующему без них как без нации, – именно они – венгры великие. Лейле не хотелось говорить о детях, и не хотелось бороться с национальной гордостью всего народа, приводя факты исторические, способные опровергнуть великость такового. По сему, обычно высиживала она положенный час-два, и затем тихо удалялась, а, по просшествии времени, – старалась не посещать подобные мероприятия. В тот вечер все было «под копирку»: знакомые и не бывшие таковыми – целовались в обе щеки, счастливо улыбались представлению ее переводчицей, по очереди произнося одну и ту же фразу, услышав, что она из России: «Вы говорите по-русски?». Ей очень хотелось, для общего развития, уточнить, что они имели в виду, – что человек, родив-

шийся и выросший в России, может быть не в состоянии по-русски говорить, или же – пытались доказать, в очередной раз, – великость – но уже – образования венгерского при времени советском. Попытавшись не выдавать ненависти к шаблонному вопросу и пренебрежения к задававшим ему, Лейла скрылась в уголке большого дивана, в надежде, что в полумраке ее уже никто не заметит и не пристанет с вопросами о Сибири, медведях и прочей несурразице, казавшейся обладателям языка финно-угорской группы весьма смешной.

Он сразу ей не понравился: он слишком улыбался – подобно улыбаются либо полные идиоты, либо люди, фальшивые насквозь, аморальные, пытающиеся скрыть за улыбкой, столь сияющей, что-то слишком порочное, слишком плохое, слишком... Лейла смотрела на огромного молодого человека – ему было не больше двадцати пяти, с вежливой улыбкой, когда тот, не дожидаясь приглашения, примостился на диване, заняв его весь и вмяв так, что Лейла почувствовала, как сваливается во вмятину, образованную внушительным телом. Пока она выбиралась из диванной пропасти, молодой человек уже, пренебрегая – а попросту – не ознакомившись с ним – каким – либо этикетом – протягивал Лейле огромную руку, представляясь. От пожатия его руки и всего его вида у Лейлы появилось чувство, что он пластилиновый, – кожа была темнее обычной европейской, и на ощупь и на вид – повергала в ощущение, что, дотронувшись до нее, можно в ней увязнуть. Он улыбался все время, всем проходящим, Лейле, почему-то – без перерыва – смеялся глупостям, которые сам говорил. Лейла вежливо улыбалась, уже собираясь покинуть веселье, где – как и принято – угощением были лишь чипсы, бокал вина и нудные разговоры ни о чем и без какой-либо основы. Прощаясь с переводчицей и хозяевами, Лейла ненавидела переводчицу, вынудившую своим униженным нытьем приехать сюда и жалела себя – ей было невыносимо лень снова ехать в темноте по пустой дороге. При прощании, – с неизменным атрибутом – двумя поцелуями – возник без дела смеющийся фальшивый огромный молодой человек. Он все так же улыбался, заставляя подумать, что лицо его все-таки порвется однажды от этой невыносимо широкой и невыносимо ненастоящей улыбки. Прощаясь с Лейлой, он, без какой-либо застенчивости, спросил, не даст ли она ему номер телефона. Сделав вид, что просто не расслышала, не услышала, не поняла вопроса пластилинового, Лейла еще раз помахала всем рукой и выскочила за дверь.

Вспоминая время «тогда», Лейла часто не понимала, зачем и кому намеревался помочь Бог тем, что перекрестил их пути снова – в суете ее каждодневной рабочей беготни, столкнув на обычной городской улице – ее – бегущую от машины по делам и огромного вечно-лыбящегося притворно, так не понравившегося ей молодого человека. Лейла, увидев его издали, заранее опустила глаза, намереваясь пробежать, не заметив или не узнав, но, пользуясь объемностью тела, здоровяк просто преградил ей дорогу и громким «приветом» заставил посмотреть на него. Выдав улыбку и приветствие из вовсе недружелюбной в отношении к сей особи мужского пола души, Лейла попыталась выскользнуть из сетей необходимости разговора, но здоровяк, уже смеясь, что-то быстро говорил, из чего она разобрала только вопрос о номере ее телефона. Найдя, наконец, выход, Лейла быстро протараторила номер, и, сославшись на то, что уже куда-то опаздывает, попрощавшись, побежала дальше, в полной уверенности в правоте своей в использовании методов избавления от ненужных жизни элементов: она ни на секунду не поверила, что неприятный смеющийся запомнил номер или намеревался мучить ее звонками.

Вспоминая время «тогда», Лейла не могла вспомнить тот день, ту минуту, когда начала жалеть уже изрядно надоевшего звонками пластилинового человека и согласилась с ним встретиться, как не могла вспомнить и того, за что начала жалеть его тогда, зачем продолжала встречи..

Его звали Янош, он работал в пограничных войсках, рассказывал Лейле о приключениях своего отдела, начальником которого был. Друзья его, с которыми Лейле довелось

познакомиться довольно скоро, называли его «золотым парнем», и пытались убедить Лейлу, как ей повезло...

Лейла не могла вспомнить, когда и за что она начала его жалеть, но помнила то чувство, которое испытала, когда через месяца четыре после начала отношений, основанных на жалости – с ее стороны, и заверений в любви необратимо-вечной, – с его, – он вдруг объявил ей об уходе из пограничных войск и уставился на нее в долгом молчании. Лейле было противно и больно одновременно – она скорее почувствовала, чем осознанно поняла, – с уходом с работы что-то было иначе, чем говорил он, а открытое ожидание того, что она предложит ему работу в фирме своей – заставило ее отвернуться – чтобы не увидел он злость на нежностью выкрашенном лице. Кем, кем она могла взять на работу офицера пограничных войск... но «тогда», прежде чем Лейла произнесла вопрос, он ответил за нее сам – «твоим помощником»...

Только через очередные несколько месяцев, услышав, что он должен ехать в военный суд, и поехав с ним, Лейла услышала правду: он не был ни офицером войск, не возглавлял какой-либо отдел, стоял он в охране на воротах базы этих самых войск, и на замечание офицера настоящего, налетел на того, за что и был изгнан... а налетел со словами, что его ждет на работу крупная иностранная фирма и посылком доблестных войск... услышала она, что и аттестата зрелости замена ее одиночества не получал... услышала многое, но продолжала жалеть: в ярости за обман, в ярости за то, что использует ее...

Официально оформленный как ее помощник, но делящий с ней постель, через всего несколько месяцев, он уже при встрече со знакомыми и не очень, объявлял всем, что работает он теперь на себя, в общей с Лейлой фирме. Ей было неприятно, но, жалея, она позволяла ему делать подобные заявления везде, – считала, что если они дают ему ощущение большей значимости в глазах его собственных, – пусть, тем более, что «тогда» лишь тщеславие его было не совсем здоровым. Во всем остальном, он, казалось, делает все, для него самого невероятное, чтобы Лейла была счастлива. Казалось. Он часами играл с ее сыном в игры компьютерные, вызывая недовольство и старушки-няньки, предпочитавшей учить мальчика чтению, да и самой Лейлы. Он вскакивал с офисного стула во время, когда нужно было ехать за ребенком в садик, и лишь объяснения самой Лейлы – воспитателям не обязательно знать о ее личной жизни, приклеивали его на место. Он делал все, чтобы отношения их выглядели семьей. И, то ли – по указке венгерской мамыши, дамы, до денег и состояний жадной невероятно, то ли – дойдя до нужного сам – стоя на коленях и что-то бурча о любви, – сделал Лейле предложение. Лейла ничего тогда не ответила, но каким-то лихим образом мысли, отличающимся от ее, – он переехал в ее дом, – постепенно, перевозя вещи частями, за их якобы надобностью в дни его присутствия в нем, и, никогда не отвозя их назад – в дом хищной матери, которую, вместе с семейством прочим – тремя сестрами с мужьями, да детьми – все чаще приглашал – «к ним, к себе». Лейла слишком много работала, занимая несколько часов свободных в день – растущим сыном, – ей не хотелось что-то выяснять, кого-то прогонять, – она просто терпела присутствие человека, который постоянно ныл о любви, всем видом, – но, только им, пытался помочь ей вести бизнес, в котором ничего не понимал, и, в свободные от присутствия его в офисе – никому не нужного, часы – валялся на кровати в спальне, разглядывая телевизор так, словно великими открытиями тот был полон, доселе смотрящему его, – неведомыми. За три года отношений, не бывших для Лейлы – ни браком, ни чем-то большим, чем отношения, – все вокруг стали воспринимать их как семью, не подозревая, что все происходящее есть просто отсутствие у Лейлы времени на изменения, – она все также, с пяти утра ежедневно, была занята сыном, работой, и, снова, сыном, который, подрастая, – уже играл в футбол в секции, что была за двадцать прочих километров от дома, – и Лейле приходилось проводить большую часть дня в машине, переезжая с одного строящегося ее фирмой дома, к другому, между школой – секцией – домом, и, снова – на стройку. Принятый

всеми, как ее муж, Янош уже выклянул машину, дабы и исключительно иметь возможность помогать ей – он, совершенно не умеющий вести дела, начал ездить по фирмам, с которыми Лейла работала, закупая у них строительные материалы, договаривался о ценах, на которые сама она никогда не согласилась бы, при ее попытках перезвонить людям и изменить навороченное его лихо-глупой головой, – он начинал тихо скандалить на тему ее непонимания их, венгерского менталитета, да того, как они – народ со своими традициями, – работают. Лейла пыталась объяснить, – на пальцах – цифр более просто-арифметических объявивший себя ее мужем, – не понимал, – почему при таком поведении фирму она вынуждена будет закрыть через год – самое позднее и наилучший прогноз. Он молча кивал, давая Лейле повод надеяться хотя бы на отсутствие желания снова заниматься закупками или лезть в прочие серьезные дела фирмы. «Тогда»... Тогда ей казалось, что он глуп невероятно, и ей было его жаль. Сейчас, придумывая, изобретая, пытаюсь найти способ избавления от него, она поняла, что глупец – по-своему – был гениален, – он просчитал все... с холодным расчетом убийцы профессионального – он защитил себя от всего, кроме одного...

«Тогда».. Лейла все также работала и занималась сыном, но, – оставались ночи. Ей уже становилось банально-невыносимо проводить их с ним: он засыпал в одиннадцать вечера, выключая все – телевизор, что так приростал к его глазам до времени выключения, свет – словно, все еще находился в солдатской казарме, так и не сделавшей его генералом. Лейла все чаще задерживалась в комнате, служившей офисом, пересчитывая нужное, и просто, чтобы побыть одной, не слышать храпа и не думать о странной необходимости быть с человеком, который ей чужой и совершенно ненужный. Она думала, как избавиться от его присутствия в ее жизни, не делая его посмешищем городка небольшого – всего в восемьдесят тысяч душ, где слишком многие друг друга знали, и где он теперь слыл человеком богатым да бизнесменом – как казалось ему, где его многодушная (по количеству душ в ней, а не – душевности) семья кичилась браво всем, чего достигла Лейла за свою жизнь, рассказывая всем знакомым и – не очень, что она – их невестка, а все строящееся и дорогостоящее на четырех колесах, – принадлежит их сыну-брату-дяде. В мыслях Лейлы все было решено, – нужно было только купить ему еще и дом, – на квартиру хищная семья его, да и он, не согласится, не отпустят они миф за столь дешево. Долгими ночами в комнате, служившей офисом, Лейла собиралась с духом и словами, считала, во сколько ей обойдется ее собственное равнодушие к тому, кого она впускает в свою жизнь, когда в одну из таких ночей зазвонил телефон, – его телефон. Лейла всегда пугалась ночных звонков: во времена ее детства слишком часто вот так, по ночам, звонили сообщить родителям об умершем в другом городе родственнике. Она уже слышала тяжелые шлепы босых ног по коридору. К удивлению ее, никто в ту ночь не умер: он протягивал ей телефон, сообщая, что звонит один из его друзей. Удивленная, Лейла ответила, и, выслушав еще с большим удивлением, зачем тот звонил в столь позднее время, молча смотрела на то, что считалось ее мужем: тот только согласно кивнул. Звонивший друг работал в департаменте по делам нелегальной эмиграции, звонил он, чтобы спросить, не сможет ли Лейла помочь им с переводом в разговоре с некоторыми людьми. Лейла хотела отказаться, но, на согласный кивок обладателя друзей, звонивших по ночам, почувствовала радость: за ней приедут сейчас, и привезут, как закончат, – ей не нужно будет пытаться заснуть под ненавистный храп. Пытаясь не выдать чувств, за которые в душе ей было стыдно: она радовалась, что уедет ночью неизвестно куда из собственного дома, где спит ее сын, где – все ее, что любила когда-то, чем была счастлива. На ходу одеваясь, Лейла бежала в комнату старушки-няньки, которой сообщила тихонько, что ее попросили перевести, что она к утру вернется. Женщина только кивнула в полусне. Лейла зашла в комнату сына, поцеловала его, и уже услышала, что к дому подъехало нечто старого образца, пищащее тормозами в тиши венгерской деревни, спящей с девяти вечера.

Старая, некогда – белая, а ныне – дорожно-грязная «Шкода» молила скрипом о пощаде на каждом завитке и повороте дороги. Лейле было страшно – уставший годами автомобиль переносил скорость в сто сорок километров с трудом, а радостный хохот следователей и громкие истории их, перекрывающие венгерский рок, что – по радио, – все чаще отдавал одной лишь мыслью: «Сегодня ей, Лейле, не выжить, зачем она согласилась, зачем...». Но, были к кому-то в этом мире боги милостивы и сохранили Лейле жизнь в ту ночь, – через полтора часа пыток дорогой и некогда белой и молодой «Шкодой», они добрались до здания, похожего на тюремное, за таким же – тюремного вида – забором, железными воротами, за которыми Лейле выдали пропуск переводчика, и, высадив из машины, показали дверь, в которую нужно было ей войти и ждать. За дверью была тюрьма, какой Лейла видела ее в фильмах – с грязными сине-зелеными стенами, решетками, за которыми бродили люди в форме пограничной службы, чему-то веселящиеся каждые пару минут. Долго наблюдать за весельем за решетками Лейле не довелось: один из веселых следователей, пытающийся убить ее по дороге сюда, откуда-то из глубины коридора позвав ее, указал жестом куда – то в решетки. Там, где-то, в решетках, оказалась комната, когда-то бывшая белой, как «Шкода», а ныне – испещренная черными линиями происхождения таинственного, стояли в ней убогий стол и стул, прикрученный к полу навсегда. От зарешетченных окон, и стула – навсегда, Лейле стало не по себе, но додумать неприятность комнаты она не успела: гордо несущие пограничную форму ввели в нее женщину, дрожащую всем телом – то ли – от холода, то ли – от страха. Лейла смотрела на женщину, не понимая уже ничего: зачем они в одной комнате, зачем несчастную и явную – жертву чего-то, – привели двое в форме, зачем усадили ее на стул, что к полу – навсегда. Попытки понять смысл происходящего прервали веселые следователи, привезшие Лейлу в этот загадочный мир. Они так же громкоголосо и, не прерывая своих веселых историй, – ворвались в неприятную комнату, заполнив ее до отказа, – с компьютером, принтером, проводами, и целой и невинной еще – пачкой бумаги. Лейлу усадили на принесенный кем-то, незамеченным ей, обычный стул, сами следователи, соединяя проводами компьютер-принтер-электричество, уже объясняли Лейле – то – хором, то – по очереди, что она должна делать: «Все просто: мы спрашиваем, ты – переводишь, они отвечают, ты опять переводишь, все...». Лейла кивала, обозначая этим понимание, но, зацепившись, все же, спросила: «Кто – они?», поглядывая в сторону испуганной женщины. «Их двое», – не останавливаясь в махинациях с проводами ответил один из веселых следователей, и, закончив с техникой, уселся за компьютер. Второй примостился на стуле рядом – словно, его задачей была проверка ошибок того, что будет писать первый. Лейла все еще не понимала, кто есть женщина, но примерно представляла ее жертвой какого – то преступления. После уже первых минут того, что оказалось допросом, Лейла поняла, как ошиблась.

Испуганную женщину, – Лейла уже поняла, что дрожала несчастная – не от холода, – спросили имя, домашний адрес, в котором при ответе отсутствовала улица и название таковой. Следователь, столь веселый своей венгерской жизнью до сего момента, в секунду изменился лицом и голосом, превратившись в разъяренного недоеданием леопарда, вскочил с места, и, прыжком, почти животным, оказавшись рядом с женщиной, глядя ей в глаза шипел: «Ты название улицы, на которой живешь, забыла?». Лейла почувствовала, как – от ярости ли, от обиды ли – за неудобного следователя, за женщину ли, – сердце злобно заколотилось, голос почти пропал, но она все же тихо, почти шепотом, тряся при этом следовательскую руку пробормотала: «В Молдавии не во всех деревнях у улиц есть названия». Следователь с минуту глядя на Лейлу, пытаясь понять сказанное, и, вполне доверяя ей, выпрямился, и молча направился к компьютеру. Женщину трясло все больше, Лейла тихо уговаривала ее не бояться – она уже поняла, что несчастная – не жертва преступления, – она из тех, кто пытается через леса-горы-долины и прочие красоты природы, – выбраться в страны, где ждет ее лучшая жизнь, она – та, кого переправляют в италии, греции и про-

чие страны, благополучными считающиеся – трафиком. Лейла почти начала размышлять над судьбами людей, решившихся на подобный путь, когда ответ женщины на следующий вопрос следователя обернулся театром жестокой драмы. На вопрос, куда она шла через границу венгерскую, женщина тихо ответила: «В Австралию». Лейла поняла сразу, что перепутала не окончившая и шести классов допрашиваемая, – Австралию с Австрией – границу которой она и пыталась перейти пешком, – но, оба веселых профессией своей, дающей возможность развлекаться почти ежедневно цирком живым, следователя, уже злобно хохотали, переспрашивая: «Куда?». Лейла пыталась вставить в разрывающий маленькую комнату с грязными стенами хохот, что, конечно, женщина имела в виду Австрию, но ее прервали грубым: «Мы не можем ваши предположения в протокол записывать, мы записываем ответы вот этих...». Кого – этих не было закончено, но ничего хорошего под «этими» не подразумевал говорящий, потому, Лейла была вынуждена повторить вопрос. Женщина на стуле, что – к полу – навсегда, – так же твердо, как и до этого, ответила: «В Австралию». Следователи, уже счастливые начинающимся представлением, радостно хохотали, пока первый, пришедший в себя, не вскочил – все тем же – леопардом, подлетел в секунду к женщине, не понимающей, что происходит – она говорила правду, схватил ее за предплечье и потащил к висящей на стене карте мира. Лейле думалось – зачем карта на убого-грязной стене комнаты допросов, – видимо, для них – гордых следователей, дабы знать, где – Молдавия, где Венгрия... Размышления Лейлы прервали истошные и перченные смехом крики следователя: «Покажи мне, где Австралия?». Лейла тихо перевела женщине вопрос. Та смотрела на карту глазами, полными слез, тихо повторяя: «Я не знаю». Лейле становился невыносим театр, в котором играли жизнью людей, которой у тех, на самом то деле – не было, и она, уже вполне вернувшись в состояние звучного голосом, обратилась к обоим следователям: «Что вам непонятно, она закончила пять классов школы, не знает она, где на карте Австрия, Венгрия, да и где ее Молдавия – не знает». Следователи замолчали и с минуту разглядывали Лейлу, словно та только выпрыгнула со страницы мужского журнала, – обнаженной и фотешопом красивой. Пришедший в себя первым, повернувшись снова к пытаемой, уже тише, спросил: «Где Молдавия на карте?». Слезы ручьями и каплями – куда-то – на грязный пол – полились из глаз женщины, тут же вытиравшей сжатой в кулак рукой нос, и тихо шепчущей: «не знаю, я не знаю». Следователи хором рук указали плачущей сесть на стул, что – к полу – навсегда, сами молча уселись на свои места. О чем они думали, Лейла не знала, да и неинтересны ей были радостные полуживотные: достав пачку носовых платков из сумки, она протянула ее женщине, и, уже смелее, без перевода в сторону леопардов, пыталась ее успокоить: «Не бойтесь, они просто вопросы зададут и отвезут вас на границу, домой отправят, назад. Вы им не нужны, им нужны те, кто вас всех переправляет, не плачьте». Женщина согласно кивая, высмаркивалась, вытирала глаза, и, наконец, перестав дрожать, в молчании усталилась на следователей в явном ожидании вопросов, – тех, после которых ее отпустят. Ставшие унылыми за отсутствием возможности продолжения цирка необразованной нелепости женщины, следователи сухо задавали вопросы, кивали головами – непонятно что пытаясь этим ослиным движением выразить. Женщина рассказывала, отвечая на вопросы, – спокойно, даже пытаясь вспомнить детали. Рассказала она, как сказала ей деревенская ее подруга, что в Кишеневе есть фирмы, которые помогают людям, особенно – женщинам, найти работу в странах хороших, с зарплатой, им, молдаванам, невиданной, что видела та объявление в некой газете «Маклер», которую и дала подруге. Позвонив по телефону в газете, она услышала объяснения, куда приехать, чтобы сделать паспорт, что и сделала. Паспорт был готов быстро – через две недели, стояла в нем виза в Венгрию, куда их и повезли, после встречи всего через два дня, на автобусном вокзале Кишенева, где перед микроавтобусом белого цвета стоял доброго вида молодой человек, собиравший с каждого прибывшего по тысяче – две тысячи долларов – кому сколько посчастливилось получить под двадцать процентов

в месяц – у тех, специальных людей, к которым сама же фирма и отправляла, мол, – в долг дают они, и – паспорта, – с объяснением, что лучше, если все они будут у него. Дальше рассказ женщины сбивался, становился неуправляемым даже следовательскими вопросами: после проверки на венгерской границе все сливалось в долгое путешествие с пересадками по двое – уже из багажника одной машины в багажник другой, перевозами в разные места, где она встречала других таких же – едущих на работу в Италию, Грецию, Испанию. Ее приводили и оставляли с незнакомыми, мечтающими о новой жизни, в закрытых комнатах разных домов, с занавешанными окнами, смотреть в которые было запрещено: арестуют. Перевозили ее с места на место около двух недель, пока не выгрузили из багажника ночью в лесу, где уже ждала группа из человек пятнадцати. Им раздали отобранные ранее документы и приказали идти строго за тем самым молодым человеком доброго вида, что собирал деньги на кишневском автовокзале. Также было им сказано молчать – просто идти, не разговаривая, если увидят свет в темноте, тут же ложиться на землю. Шли они примерно два часа, когда увидели слепящий свет, – словно весь лес осветился им, и услышали крики. Женщина, давая понять, что это – все, что она знает и помнит, замолчала. Лейла, повернувшись к следователем, попросила принести ей воды, и когда один из них направился в сторону двери, добавила: «И женщине принесите, четыре часа сидим». Лейле не нужна была вода, она просто поняла из рассказа женщины, что та не ела и не пила ничего последние двадцать четыре часа, пыталась хоть как-то облегчить состояние несчастной. Следователь вернулся в грязно-белую комнату, за ним следом в нее вошел молодой человек в форме с маленькими бутылками воды, стаканами и чем-то, похожим на печенье. Лейла подвинула все принесенное ближе к женщине. Та, смущаясь, но больше – удивленно, спросила: «Можно?». Лейла подвинула воду и похрустеть печенья еще ближе к женщине, и молча кивнула.

Следователи, то ли – от усталости вопросной, то ли – в грусти от судеб поведенных, – молча курили, ожидая, пока женщина покончит с печеньем и водой. Лейла надеялась, что вопросы закончились, теперь они отпечатают свои глупые протоколы, которые всем надлежит подписать, – и через полтора часа новой попытки убить ее дорогой, она будет дома. Лейла посмотрела на часы: о доме речи быть не могло – почти восемь утра. Она удивленно посмотрела в окно: было серо-светло, новый день наступал дождивым слякотным воздухом. Лейле почти стало грустно, но, вспомнив рассказ женщины, в очередной раз представив, как пятнадцать безсудьбных шли по слякотной венгерской земле в никуда, в надежду, в представленное ими будущее, раскрашенное в яркие краски собирающими за будущее это по тысяче-две долларов, ей стало стыдно грустить о погоде, о жизни с валяющимся на кровати сутками ненужном ей мужчине, – собственная жизнь снова показалась Лейле чудом, сказкой, которую нечто так старательно старалось ей подарить всегда.

Лейла вздрогнула от неожиданного следовательского: «Продолжим, дамы?», – она не могла понять, что и о чем он может и хочет продолжить, но, повернувшись, в ожидании вопроса. Следующие два часа они все провели в попытке – одни – выяснить, другая – вспомнить, – каким был тот, доброго вида молодой человек, что собирал деньги и паспорта, а позже – вел их через леса венгерские к мечте, как звали его, с пояснениями на ответ женщины о незнании ей имени, – что, возможно, кто-то другой называл его как-то, сколько раз он говорил по телефону в дороге, о чем говорил, на каких языках, как выглядел да как был одет. Не выудив из уставшей женщины никаких особых примет проводника, кроме огромных зеленых резиновых сапог, купленных им при остановке сразу после пересечения венгерской границы в большом магазине, где он покупал хлеб для них, следователи вдвоем кинулись в сторону решетчатого коридора, крича кому – то – в нем ли, в здании ли вообще вопросом: «Какой супермаркет ближайший к границе?». У Лейлы болела голова, ей очень хотелось чашку кофе, ей очень хотелось выбежать из грязной комнаты со стулом к полу навсегда и несчастной женщиной, почти теряющей сознание от усталости, – туда, в сторону решет-

чатого коридора, где дверь на воздух, в ее обычную жизнь. Ей было все равно – какой супермаркет – ближайший к границе, и зачем следователям это знать, как звали доброго вида проводника в зеленых резиновых сапогах и сколько раз он говорил по телефону: она хотела, чтобы все это просто закончилось – женщину отправили домой, в Молдавию, и освободили ее, Лейлу. Глядя на входящих в комнату довольных следователей, Лейла, все же спросила, зачем им супермаркет. На этот раз они смотрели на нее, как на очень глупую модель мужских журналов, пока один, рассмеявшись ее очевидной глупости, снисходительно не изрек: «Ловить там будем, раз они останавливаются». Лейла не сдержалась и быстро, но устало тихо пробормотала: «Зачем вам супермаркеты, зачем вам как его звали, она же сказала – в газете «Маклер» объявление было, найдите вы эту газету в интернете, там телефоны, связывайтесь с Молдавией, – и поймаете всех, не мучая бедных людей, которые ничего плохого не сделали». Следователи, уже начавшие распечатывать протокол в количестве экземпляров, привышающем всех присутствующих вдвое, молча смотрели на Лейлу. Она развела руками и отвернулась к женщине. Та просяще спросила: «Теперь все, меня домой отправят?». Лейла кивнула, добавив: «Только протокол подпишем». Женщина неожиданно изменилась в лице, руки ее задрожали как шесть часов назад, глаза в секунды наполнились слезами обиды. Она смотрела на Лейлу так, словно та была виновата во всех ее бедах, несчастной жизни и злобно шептала: «Я не буду ничего подписывать, вы что не понимаете, у меня семья там, вы не понимаете – меня убьют». Лейла устало перевела услышанное вопроснику из двух человек. Реакции особой – чего Лейла боялась, – завлечение не вызвало – один из следователей шлепком приземлив пачку распечатанных протоколов прочеканил: «Бояться нужно было раньше и просить давать показания как безымянный свидетель, теперь – поздно. Не подписите – здесь останетесь». Лейла хотела, очень хотела сказать мучителю, что перед началом допроса надо было бы сказать об этом женщине, но усталость победила, – она промолчала, чувствуя вину, но, зная, что скажи она подобное – врядли они примутся перепечатывать протоколы, – а если и примутся, сидеть им всем здесь еще долгих часа два. Пока Лейла терзала себя, женщина уже коряво – рука ее все еще дрожала – выводила имя на первом листе. Лейла подошла, чтобы помочь ей, показывая, где на всех этих листах должна стоять подпись допрошенного и удивленно, как ребенок, никогда не видевший людей с темной кожей вопрошает «что это», – устала в бумагах: на каждом листе стояло и ее, Лейлы, полное имя, и – полный домашний адрес. Она повернулась к скупающим за сигаретами мужчинам: «Адрес то мой зачем на каждой странице?». Улыбнувшись, один из них ответил: « Не бойтесь, они не запомнят, да и пока не проводников допрашиваем».

После того, первого раза, Лейлу возили на переводы допросов все чаще. Причина, как казалось ей, была в том, что послушались следователи, забывшие – таки записать в протокол название газеты «Маклер», отследили сеть, которую сами стали называть молдавской, отловив, в итоге, в стране Венгрии даму, что сеть возглавляла, да еще нескольких ее деятелей. Ненужный Лейле Янош все ее отсутствия воспринимал радостно, словно гордо – за себя, объявляя, чтобы она не волновалась: он все сделает, как она скажет, в фирме, и, всем окружающим ведал весьма секретно, что она раскрыла молдавскую сеть, ей заплатили всего восемь тысяч форинтов, а сами все получили чины, да назначения. Последнее было правдой – об оплате, чинах, да званиях, о раскрытии же – было явной глупостью, но, сколько Лейла не просила его перестать радовать человеческие дни ложью подобной, – попытки были безрезультатными. Лейле не нужны были деньги, которые платили ей пограничные войска за переводы, она ездила потому, что не хотела, чтобы издевались над отловленными в лесах венгерских людьми, и не хотела проводить ночи с гордым ее отсутствием соседом по постели. Ночами же допросы ограничивались редко, переползая в уставший следующий день. Лейла научилась быстро определять, когда ей показывали всех пойманных, – кто из них говорить будет, а кто не будет в состоянии вспомнить и названия собственной

деревни и имен детей, сокращая подобным, своим отбором, время допросов, – к радости следователей и начальников отдела. Она научила их не орать истошно не по-мужски на вытасканных в количестве восьмидесяти шести из шин, перевозимых грузовиком, на тему «раз я не сплю, и вы не будете», а, вместо криков – спрашивать – не голодные ли люди, или дети – через границы отчаявшиеся матери-одиночки начали ходить с ними. Медленно, но, допросы изменились, никто уже не бил по ножке стула, на котором засыпал молодой человек, которого перевозили без сна и еды двое суток из одного в другой венгерский город, никто не таскал людей к картам мира – все поняли, что многие не знают, где это – Венгрия, и прочие страны, никто не пытался запугать людей больше, чем увиденные решетки коридора отдела, и каждого перед допросом начали спрашивать, не хочет ли засекретить имя. Иногда допрашивали и проводников, – тех, кто переводил стремящихся к жизни иной через границы европейские. Люди эти были иными, чем их клиенты ли, жертвы ли, – они несли смешную чушь, рыдая над которой, отдел отправлял их в суд. Поймав, наконец, того самого, доброго видом молодого человека, о котором говорила первая в жизни Лейлы женщина трафика, – причем, пойман он был именно в тех самых, зеленой резины самогах, – в одиночестве бродящего в лесу рядом с границей Венгрии с Австрией -Австралией, выудили из карманов его компас, да карту с в кружки обведенные места в лесу, что на горе, где гулял он. На вопросы – действительно – доброго вида, – молодой человек отвечал столь смешной находчивостью, что вскоре и до суда, – стал любимцем пограничных войск, где ответы его передавались из уст в уста сказкой, почти венгерской. Читая позже протокол доброса на суде, сама судья не в состоянии была остановить смех присутствующих и адвокатов: «Подсудимый, ваши ли это ответы на заданные вопросы: что вы делали такого то числа года, да месяца в горной местности, прилежащей к городу Кесегу в десять часов утра? – Гулял... Зачем вы взяли с собой на прогулку компас и карту? – Боялся заблудиться... Почему для прогулки вы выбрали лес, расположенный на горе? – Хотел быть ближе к Богу... Вы – верующий? – Пока – нет, но – вот пытался...». Лейле было немного грустно: доказательств того, что столь разыскиваемый молодой человек есть проводник – не было, кроме – зеленых сапог, компаса, да карты, а осудили его на три года тюрьмы. Грусть ее была не только по тюремным годам его: она все больше понимала, что таких, как он, по стране бродят сотни, таская через границы тысячи несчастных обездоленностью на родинах своих людей, некоторые из которых проходили уже дважды и трижды через допросы только при ее присутствии, и, слушая рассказы об их жизни, Лейла все чаще признавалась себе, что возможно, вот такие проводники делают и благое дело для тех, кого называют в протоколах жертвами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.